

Гордость русского искусства.

Къ годовщину со дня кончины Михаила Прововича Садовскаго.

Русское искусство...

Завтра именно мы вспомнимъ о немъ, о могучей силѣ его, о его неотразимо-яркомъ, побѣдоносномъ отличіи отъ искусства Запада.

Это—наша гордость. Быть можетъ, единственное право на почтительное вниманіе міра къ русской культурѣ.

Въ самомъ яркомъ и доступномъ всѣмъ увлекательномъ и популярномъ искусствѣ—сценическомъ—рекордъ жизненности и художественной правды побить намъ очень давно,—еще въ самомъ началѣ того вѣка,—„дней Александровыхъ прекраснаго начала“.

Отцомъ сценической правды былъ гениальный Щепкинъ.

* * *

Счастливы тѣ, кто видѣлъ этого родоначальника правды искусства.

Ихъ мало теперь осталось.

Въ Москвѣ жива до сихъ поръ знаменитая артистка, ученица его, которую онъ такъ любилъ, такъ ласково привѣтствовалъ, обнимая ее, почти ребенка, какъ дѣдъ любимую внучку, и благословляя „на оный путь—тернистый путь!..“

Это—Глиберія Николаевна Федотова.

Другой великій послѣдователь Щепкина, показавшій намъ свѣтъ его генія, бережно хранившій его до конца дней — Садовскій, Михаилъ Прововичъ.

Съ младенческими лѣтъ ходилъ онъ съ отцомъ въ театръ на репетиціи, провода за кулисами цѣлые дни.

Въ дѣтскіе годы онъ много разъ видѣлъ Михаила Семеновича на сценѣ. Эти сильныя впечатлѣнія раннихъ лѣтъ не могли не впитаться въ плоть и кровь художческаго организма Садовскаго.

А, между тѣмъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, Садовскій терпѣть не могъ Щепкина. Отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ холодномъ, лукавомъ, себѣ на умѣ. Отзывался, конечно, пристрастно,—былъ у него на то нѣкоторыя причины личнаго характера.

И, тѣмъ не менѣе, онъ—ученикъ, продолжа-

тель щепкинской школы.

Это потому, что искусство и геній влечетъ къ себѣ и захватываетъ васъ невольнo и, сплошь и рядомъ, созванію, разсудку вопреки.

А не любилъ онъ Щепкина по наслѣдству: отецъ его, великій артистъ-комикъ, часто по успѣху на сценѣ являлся опаснымъ соперникомъ знаменитому дѣду театра.

Отсюда естественно и вытекала взаимная боязнь двухъ талантовъ сцены одного къ другому,—боязнь, перешедшая въ нѣкоторую неприязнь,—по крайней мѣрѣ, со стороны Прова Садовскаго—неприязнь, передававшаяся невольнo и сыну.

* * *

Любопытно было послушать покойнаго Михаила Прововича, какъ онъ со свойственнымъ ему живымъ тонкимъ юморомъ изображалъ старика-Щепкина, комментируя каждое его слово, каждое движеніе въ своемъ особливо тенденціозномъ наивно-придирчивомъ духѣ.

Завтра день поминанья его. Вспомню, какъ онъ это рассказывалъ разъ мнѣ.

— Я былъ крошечнымъ младенчикомъ, подъ столъ ходилъ. Забѣгалъ въ театръ часто. На репетиціяхъ толкался. По уборнымъ гулялъ, игралъ, прыгалъ.

Вотъ разъ подходитъ ко мнѣ старикъ (Михаилъ Семеновичъ).

— Ахъ, это ты, дѣточка?—нѣжно такъ обратился ко мнѣ. Поцѣловалъ въ макушку. Поцѣловалъ въ другой разъ и заплакалъ.

— Ну, скажи мнѣ, мой милый,—обратился ко мнѣ дѣдъ, а самъ весь въ слезахъ,—ну, скажи, крошка, за что тятя твой не любитъ меня, за что сердится? Что я ему сдѣлалъ? Ну, ей Богу же ничего, а онъ обижаетъ меня-старичка—все сердится на бѣднаго дѣдушку!..

Разрѣмился старикъ. Разрѣмился и я. Да разрѣвѣлся такъ, что отецъ прибѣжалъ:

— Что съ тобой? Кто тебя тронулъ?—съ беспокойствомъ спрашиваетъ онъ меня.

А я ему:

— Какъ же, дѣдушка, бѣдный, все плачетъ; обидѣлъ, говорить, меня тятя твой, не любитъ меня, сердится все, а я—бѣдный старикъ. Дѣдушку жалко!..

И еще пуще того разрѣвѣлся я.

— Ахъ, онъ—лукавый старикъ, чтобъ ему пусто было!—ишь, какъ придумалъ отмстить мнѣ: ребенка, и того въ покоѣ не оставляетъ, и того мучаетъ. Не вѣрь, другъ,—старая